

Александр МАЙОРОВ

«КОРОЛЬ РУСИ» В БИТВЕ НА ЛЕЙТЕ

Битва на Лейте (Литаве) 15 июня 1246 г. между войсками венгерского короля Белы IV и австрийского герцога Фридриха II Воинственного, закончившаяся гибелью последнего, известна по многочисленным упоминаниям австрийских хроник. Большинство из них отмечает участие в сражении русских и половецких войск. В ряде источников указывается также, что в бою принимал участие некий «король Руси», выступивший на стороне венгров¹.

Данные австрийских и русских источников

По сведениям наиболее информированного источника – Ламбахского продолжателя Мелькских анналов, в 1246 г. герцог Фридрих «померился силами с тремя королями, а именно королем Венгрии, королем куманов и королем Руси, и в итоге одержал верх. Тогда же огромное множество [рыцарей] из страны венгерского короля он убил и потопил. Тот же самый Фридрих, получив триумф в битве, погиб странным образом»².

О загадочной гибели Фридриха при невыясненных обстоятельствах в ходе битвы с венгерским королем и его союзниками говорится также в анналах монастыря св. Руперта в Зальцбурге: «Сам герцог Австрии, однако, либо своими, либо врагами, точно неизвестно, был убит»³.

Некоторые средневековые авторы пытались пролить более яркий свет на обстоятельства гибели Фридриха, выясняя, кто именно мог быть причастен к его смерти. Версия убийства получила развитие у продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, согласно которому австрийский герцог пал от руки одного из своих приближенных: «в сумятице боя [Фридрих] был убит своими людьми, как говорят, [своим] стольником, графом из Хассбаха, по имени Генрих»⁴.

Иная версия представлена в анналах кельнского монастыря Св. Пантелеймона, где виновником убийства назван участвовавший в битве «король Руси», с которым Фридрих Бабенберг сошелся в поединке. «1246. Упомянутый герцог (*Фридрих Воинственный*. – А.М.) около месяца июня сошелся на поле битвы с королем Венгрии. В схватке [Фридрих] сразился с неким королем Руси, которого убил, но и сам получил от него смертельную рану и [после] прожил лишь два дня. Его войско, однако, добилось победы»⁵.

Как видим, смерть Фридриха Бабенберга вызвала самые противоречивые толки уже у современников битвы на Лейте. Столь же противоречивое отношение свидетельства средневековых источников вызывают и у современных исследователей. Тем не менее, определенное предпочтение новейшие авторы отдают сведениям кельнского хрониста как наиболее нейтрального к описываемому событию. Неясным, правда, остается, кто из русских князей упомянут в его сообщении.

Некоторые историки допускают, что в битве на Лейте на стороне венгерского короля мог участвовать галицко-волинский князь Даниил Романович, незадолго перед тем помирившийся с Белой IV⁶. Однако большинство авторов уверены, что герцог Фридрих Воинственный пал от руки другого русского князя, и таковым мог быть состоявший на службе у Белы Ростислав Михайлович (сын погибшего в Орде Михаила Черниговского)⁷.

Впрочем, иногда подобный вывод основывается на не вполне корректном понимании выражения *quodem rege Ruscie* кельнского анналиста, которое переводится как «бывший король Руси»⁸. Ростислав Михайлович, некогда княживший в Галиче и изгнанный оттуда Романовичами, действительно, мог восприниматься в качестве бывшего русского короля. Однако термин *quodem* в данном контексте выступает в значении неопределенно-личного местоимения и, следовательно, не может восприниматься как специальное указание на Ростислава. В нашем случае этот термин подразумевает скорее действующего, а не бывшего правителя.

Версию об участии в битве на Лейте Даниила Романовича и его непосредственной причастности к убийству герцога Фридриха поддерживали некоторые русские летописцы. Под 1246 г. в Густынской летописи помещено сообщение, не находящее параллелей в других русских источниках: «Бея, король Угорский, имея рать со Фридрихомъ, Ракусимъ княземъ, призва себе Данила въ помощь; Данило же прииде со рускими и татарскими полки, крепко бияшеса со немци, донеле же победи ихъ и Фридриха уби»⁹.

Галицко-Волинская летопись обходит молчанием участие Даниила в этой битве. Вместе с тем, в источнике содержатся прямые указания, предполагающие такую возможность. Король Бела прямо предлагает Даниилу включиться в борьбу за «австрийское наследство»: «Присла король Оугорьский къ Данилоу, прося его на помощь, бе бо име рать на бои с немци»¹⁰.

«Ратью» и «боем» с «немцами» могла быть только кампания венгерского короля против австрийского герцога, проведенная в 1246 г. и закончившаяся битвой на р. Лейте. Об этой битве летопи-

сец упоминает *post factum*, отмечая победу в ней герцога Фридриха, достигнутую ценой собственной жизни: «[Герцог Фридрих] бився, одоле королеви Оугорьскомоу, и оубьень бысть от своих боярь во брани»¹¹.

Таким объяснением летописец Даниила Галицкого повторяет версию смерти Фридриха некоторых австрийских источников. Но так же, как и эти последние, галицко-волинский летописец представляет одну из сторон описываемых событий и поэтому не может быть объективным источником. Версия об убийстве Фридриха «королем Руси» более нейтрального кельнского анналиста нам представляется предпочтительной.

Важно отметить, что эта версия приведена в той части анналов монастыря Св. Пантелеймона, составление которой было завершено в 1249 г. Таким образом, перед нами свидетельство, отстоящее всего на три года от описываемого события, что особо выделяет его среди других подобных известий¹².

Битва на Лейте и возвращение Даниила из Орды

Со времен М.С. Грушевского большинство историков скептически относятся к возможности участия Даниила в трагических событиях 15 июня 1246 г. Несмотря на прямое указание Галицко-Волинской летописи на то, что переговоры о военном союзе венгерского короля Белы IV с князем Даниилом Романовичем начались сразу после возвращения последнего из Орды (весна 1246 г.), Грушевский относил начало этих переговоров ко времени после 15 июня, а заключение союзного договора – на вторую половину 1246-го или начало 1247 г.¹³

Опираясь на мнение Грушевского как на доказанный факт, новейшие исследователи полностью исключают возможность участия русского князя в битве на Лейте, поскольку эта битва состоялась до заключения союза между Белой и Даниилом¹⁴.

Нам уже приходилось высказывать свое несогласие с подобными представлениями, основанными на не вполне корректных предположениях¹⁵. В ответ нашими оппонентами были приведены дополнительные доводы, доказывающие невозможность участия Даниила в битве на Лейте. Впрочем, эти доводы базируются на тех же основаниях, что и расчеты Грушевского.

Так, у Л.В. Войтовича, считающего, что участвовавшим в битве «королем Руси» мог быть только Ростислав Михайлович, читаем: «О. Майоров вважає, що “королем Русі” був сам Данило Романович, який до того часу вже отримав королівський титул від імператора Фрідріха II. Однак Данило Романович до червня 1246 р. навряд чи

встиг би повернутися зі ставки Бату на Волзі, зібрати військо і вирушити на допомогу угорському королеві, зважаючи на непрохідність Дикого поля у зимову пору. Тим більше, що переговори між руськими та угорськими представниками в замку Зволен розпочалися тільки влітку 1246 р.»¹⁶. В другой работе Войтович прибавляет еще один аргумент: «Зимою дорога з Києва в Орду пролягала через Чернігів та Рязань в обхід Дикого поля, топто займала значно більше часу»¹⁷. Возвращаясь по этой окружной дороге Даниил, по мысли историка, потратил бы слишком много времени и не успел бы договориться с королем Белой о совместных военных действиях в июне 1246 г.

Какими же данными пользовался в своих хронологических расчетах Грушевский (а вслед за ним и новейшие авторы)? Сопоставив рассказ Галицко-Волынской летописи с записками папского посла к монголам Джованни дель Плано Карпини, ехавшего в Орду вслед за Даниилом Романовичем и по тому же маршруту, Грушевский установил: «У Бату Данило пробув по словам літописця 25 днів. В середині десь марта 1246 р. стрів його Карпіні над Доном, коли Данило вертав ся вже. Пляно-Карпіні їхав від Київa до Бату рівно два місяці; Данило міг би зробити сю подоріж де що скорше, але з поданих дат того не видно». Исходя из этих расчетов, на Волынь Даниил вернулся не ранее начала или даже середины мая 1246 г. «Угорський король, – читаем далее у Грушевского, – прочувши про поворот Данила з Орди, навязує з ним зносини (значить, найраніше – літом 1246 р.) [...] Данило з Львом і Курилом їдуть на Угорщину, укладають союз і женять Льва. Се остатнє мусіло мати місце вже мабуть в 1247 р.»¹⁸.

Проверим, насколько основательны подобные выкладки.

Плано Карпини, перечисляя свидетелей, которые могут подтвердить его пребывание у татар, говорит о встрече с Даниилом Романовичем: «Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату»¹⁹. В другом месте, описывая свой путь в ставку Батыя через земли половцев (команов), папский посол говорит, что «некий князь по имени Кортан» кочует у Дона²⁰.

О времени встречи Даниила с Плано Карпини на Дону можно судить лишь по косвенным данным. Последний так описывает свое путешествие «через всю страну команов» – от Днепра до ставки Батыя: «В понедельник же после первого воскресенья Четырдесятницы (26 февраля. – А.М.) мы поспешно отправились в путь к нему (Батыю. – А.М.), и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели (4 апреля. – А. М.)»²¹.

Высчитывая время, затраченное Плато Карпини на путешествие в Орду, исследователи в качестве исходной расчетной величины принимают указанную в его записках дату отъезда из Киева – «на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы (4 февраля. – А.М.)»²². Получается, что дорога из Киева до ставки Батыя заняла ровно два месяца.

Однако при таком расчете не учитывается, что по дороге к Батыю Плато Карпини и его спутники значительную часть времени должны были потратить на посещение Куремсы (Коренцы) – татарского «вождя», являвшегося «господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада». Найдя его где-то в низовьях Днепра после многодневного перехода по льду реки («на Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду»), долгих переговоров и многочисленных подношений различным татарским военачальникам и самому Куремсе, папские послы наконец получили разрешение продолжить путь в Батыю: «После этого нам дали лошадей и трех татар, которые были десятниками, а один – человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю»²³.

Дорога к Куремсе и хлопоты по получению разрешения и провожатых для дальнейшего следования к Батыю заняли у Плато Карпини почти целый месяц – с 4 по 26 февраля – из его двухмесячного путешествия из Киева до ставки правителя Золотой Орды.

Есть еще одно важное обстоятельство, требующее учета при определении времени, необходимого для поездки в Орду. Если не привыкшие к верховой езде францисканские монахи передвигались на подводах (о чем Карпини неоднократно упоминает в своих записках), то русский князь со своей дружиной, несомненно, ездил верхом.

Скорость движения при езде верхом и на подводах значительно различается. Об этой разнице говорит сам Плато Карпини. Несмотря на всю «возможную поспешность», с которой папских послов везли от Куремсы к Батыю, их опередили верховые гонцы, отправленные вместе с ними: «Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы»²⁴.

Таким образом, для вычисления времени, затраченного Даниилом Романовичем на обратный путь из Орды и, следовательно, определения даты его возвращения на Волынь, ключевое значение будут иметь следующие параметры: протяженность предполагаемого маршрута, а также исторические данные о средней суточной (дневной) скорости всадника, преодолевающего длительные расстояния.

Суточная скорость всадника в средние века

Начнем с последнего. Расстояние от Холма до низовьев Дона (через Владимир-Волынский, Киев и Переяславль) составляет около 1000 км. Сколько времени могло понадобиться всаднику, ехавшему на хороших верховых лошадях, чтобы преодолеть этот путь? И если Даниил Романович мог встретить Плано Карпини на Нижнем Дону в середине марта 1246 г., то через какое время после этого князь мог оказаться в своем стольном Холме?

Если, направляясь в Орду, Даниил, надо думать, был обременен грузом подарков для татар, то в обратный путь он отправился, скорее всего, налегке. Князь не имел никаких причин задерживаться в степи и, следовательно, должен был возвращаться домой со всей возможной скоростью.

Относительно величины дневного пробега верховой лошади при длительных многодневных переходах мы располагаем более или менее точными данными, относящимися к концу XIX в. В это время в русской армии были распространены соревнования по испытанию боевых лошадей. В 1890 г. казачий сотник Пешков на мерине Серко проехал 8283 версты (8862 км) от Благовещенска-на-Амуре до Петербурга за 193 дня. В 1895 г. другой казачий офицер в пробеге из Петербурга в Читу 6569 верст (7009 км) преодолел за 112 дней. В 1899 г. корнет Асеев проехал верхом из Лубен (Полтавской губернии) в Париж. Для пробега он использовал двух кобыл - англо-донскую Диану и черноморскую Влагу, на которых ехал поочередно. Часть дистанции была пройдена в неблагоприятное время года по грязной весенней дороге, и тем не менее он показал отличный результат, пройдя 2457 верст (2633 км) за 30 дней – в среднем около 88 км в сутки, причем в последнем переходе непосредственно перед Парижем было пройдено 110 км. После пробега Диана и Влага демонстрировались на проходившей в то время в Париже Всемирной выставке, где получили высокую оценку специалистов²⁵.

Нам могут возразить, что в XIII в. на Руси еще не было тех пород верховых скакунов, какими располагала русская армия в конце XIX в. Бесспорно. Однако в нашем распоряжении есть факты, доказывающие, что и в средние века русская конница могла совершать длительные и быстрые переходы, сопоставимые с результатами кавалерийских офицеров конца XIX в.

В известиях летописей о походах русских конных дружин против татар можно найти несколько интересующих нас примеров. Так, 5 августа 1380 г., когда все войска, выступившие с Дмитрием Донским против Мамаю, подошли к Твери, сюда же прибыла новгородская рать. Причем новгородцы проделали путь до Твери очень быстро

(«вскоре приидоша, в четыре или в пять дней»²⁶), преодолев расстояние в 300–350 км, т. е. делая в день минимум по 70 км.

Проанализировав летописные данные о походах конных дружин, относящиеся к домонгольскому периоду, А. Н. Кирпичников сделал вывод: «Быстрота передвижения конных масс являлась условием не только военного, но и политического успеха соперничающих феодалов. В XII–XIII вв. дневной переход конной дружины составлял примерно 50–60 км (иногда и значительно больше)»²⁷.

Первоочередной интерес для нас, разумеется, представляют сведения, демонстрирующие быстроту передвижения конной дружины Даниила Романовича, приведенные его летописцем. Именно Данила в данном отношении можно считать своего рода рекордсменом среди других русских князей.

В летописи находим следующие свидетельства. Получив весть об отъезде из Галича боярина Судислава, своего главного врага, Даниил поспешил захватить город врасплох и «иде в мале дружинне к Галичу из Оугровьска, во третии день вывшоу емоу на ночь во Галич»²⁸. За один день войско Даниила, снаряженное тяжелыми стенобитными орудиями, преодолело путь от Холма до Люблина²⁹. Преследуя ятвягов от Владимира-Волынского, дружина Василька Романовича на третий день достигла Дорогичина³⁰.

На эти примечательные факты обратил внимание Б.А. Рыбаков: «Летопись, писанная воином, сохранила интересные данные о скорости марша. В 1230 г. князь Даниил и брат его Василько выехали с "воями" (конными) из Холма (точнее, из Угровска, располагавшегося недалеко от Холма. – А. М.) и оказались в Галиче на третий день. Расстояние между Галичем и Холмом по прямой – 235 км, если разделить его на три, то получится суточный переход в 78 км. Принимая во внимание сильно пересеченную местность в районе Холма, мы должны признать темп марша очень быстрым. Князь Даниил в 1245 г. совершил переход из Холма в Люблин (форсировав р. Вепрь) с воинами и метательными машинами; "единого дне быста под градом из Холма со всеми вои и пращами" (65 км). Подобная скорость марша не была исключительной, приведу еще один пример: в 1248 г., преследуя ятвягов, "гна же по них Василко из Володимеря, угони е и бывшу ему третий день из Володимеря в Дорогычине". Расстояние от Владимира Волынского до Дорогичина равно 205 км, то есть 68 км для суточного перехода»³¹.

Расчеты Рыбакова не вызывают сомнения³². По сведениям Галицко-Волынской летописи за 1230–1240-е гг. конное воинство Даниила и Василька Романовичей, даже обремененное обозом и тяжелой военной техникой (камнеметными машинами), двигаясь по сильно

пересеченной местности, могло совершать многодневные рейды со скоростью 68–78 км за день.

Если взять даже минимальное из приведенных здесь значений, то преодолеть путь в 1000 км от устья Дона до Холма Даниил Романович мог за 14–16 дней. Правда, по современным автомобильным трассам Польши, Украины и России этот путь оказывается более протяженным. Так, минимальное расстояние между современными городами Хелм и Ростов-на-Дону по автодорогам составляет 1463 км³³. Для преодоления такого расстояния Даниилу понадобился бы как минимум 21 день.

Итак, если встреча Даниила с Плано Карпини в низовьях Дона произошла в середине марта, то вернуться домой галицко-волынский князь, проезжая по степи кратчайшим маршрутом, должен был еще до конца марта, а если бы он ехал вдоль современных автомобильных трасс, его путешествие завершилось бы в конце первой недели апреля.

Путь Даниила в Орду и возвращение на Волынь

Против этого нашего вывода свидетельствует, как будто, то обстоятельство, что на дорогу в Орду Даниил затратил значительно больше времени.

По словам летописи, князь отправился в путь в день памяти св. Дмитрия: «изииде же на праздник святаго Дмитрея»³⁴. Очевидно, здесь имеется в виду св. Дмитрий Солунский, чья память совершается 26 октября. Следовательно, Даниил выехал из Холма 26 октября 1245 г.³⁵

Если учитывать, что примерно в середине марта 1246 г. возвращавшегося из Орды Даниила встретило посольство Плано Карпини в низовьях Дона, а в ставке Батыя князь, по словам летописи, провел 25 дней («бывшоу же князю оу них днии 20 и 5») ³⁶, то, можно думать, что Даниил прибыл к хану не ранее середины или даже конца января 1246 г. Выходит, что на дорогу от Холма до ставки Батыя Даниил затратил более двух месяцев.

Совершенно очевидно, однако, что далеко не все это время Даниил был в пути. Несколько дней князь провел в Киеве, где, по словам летописца, «созва калоугеры и мнискки чинь» и устроил всеобщий молебен о благополучии своей миссии в храме Архистратига Михаила Выдубицкого монастыря. После этого Даниил по воде («въ лодыи») прибыл в Переяславль, возможно, намереваясь следовать далее в Орду прямым путем через степь. Однако в Переяславле князя встретили татары и заставили его изменить маршрут. Даниилу, как вскоре после него и Плано Карпини, пришлось сперва отправиться

на поклон к Куремсе³⁷, т. е. повернуть от Переяславля на юг и ехать в ставку последнего, располагавшуюся в низовьях Днепра.

Плано Карпини, как мы видели, на поездку к Куремсе, переговоры и подношения ему и его многочисленным подручным, а также на получение разрешения и провожатых для дальнейшего следования в Орду, потратил около месяца. Надо думать, что у Даниила Романовича ушло на все это не меньше времени. О его долгом пребывании у Куремсы и пережитых при этом унижениях прямо свидетельствует княжеский летописец, когда говорит, что за время ожидания аудиенции Даниил видел многих прибывающих к Куремсе на поклон правителей – царей, князей и вельмож («приходящая цари, и князи, и велможе»)³⁸.

Надо думать, что, возвращаясь от Батыя домой, Даниил воспользовался прямой дорогой через степь. Во всяком случае, в источниках нет никаких сведений о том, что князю пришлось искать какие-то обходные пути или согласовывать свой маршрут с кем-то из степных правителей. Ставшему непосредственным вассалом Батыя и получившему от него подтверждение своих княжеских прав, Даниилу более не нужно было ехать на поклон к Куремсе и просить у него разрешения на проезд.

Ничем не подтверждено и предположение Л. В. Войтовича о том, что Даниил ехал в Орду в обход Дикого поля – через Чернигов и Рязань. Более того, это предположение прямо опровергается свидетельством летописца, согласно которому, доехав до Переяславля, князь повернул на юг и проследовал в ставку Куремсы, располагавшуюся на Нижнем Днепре. На обратном пути для таких отклонений от прямого маршрута у Даниила, как нам кажется, не было причин.

Итак, преодолев путь от низовьев Дона до Холма напрямую через степь до Переяславля, а далее через Киев и Владимир-Волынский, Даниил Романович, передвигаясь с обычной для него среднесуточной скоростью (около 70 км), затратил не более 14–16 дней и должен был прибыть на Волынь еще до конца марта 1246 г.

Этот наш вывод согласуется с важным хронологическим указанием Галицко-Волынской летописи, имеющим прямое отношение к возвращению Даниила из Орды. Рассказ о поездке князя к Батыю в самом конце прерывает небольшая вставка – сообщение о неудавшемся походе на ятвягов Василька Романовича и польского князя Конрада: поход был прекращен из-за обильного снегопада, и войска вернулись домой с полдороги. Сообщение об этом походе летописец начинает словами: «Тое же зимы Кондрать присла посоль по Василка»³⁹.

По мнению М. С. Грушевского, выражение «Тое же зимы» относится ко времени, когда «Данило подорожував в Орду». Конрад при-

гласил Василька в поход на ятвягов, скорее всего, в начале 1246 г. Далее Грушевский делает важное замечание о совпадении по времени похода на ятвягов и возвращения из Орды Даниила: «Зауважу, що ся записка – вставка, що розбиває оповідання про поворот Данила з Орди ("Бысть же ведомо странамъ прихоть его" – себто Данила, тим часом як літописець говорив про Василька)»⁴⁰.

Действительно, вставка в конце рассказа о поездке Даниила в Орду краткого сообщения о малозначительном и никак не связанном с самой этой поездкой событии могла иметь целью обозначить хронологически возвращение Даниила, произошедшее сразу после окончания неудавшегося похода на ятвягов, предпринятого в конце зимы, т. е. в конце февраля – начале марта 1246 г. Таким образом, летописный рассказ о поездке Даниила в Орду, отражающий важнейшее для судеб Галицко-Волынской Руси событие, отмечен в летописи сразу двумя хронологическими вехами, относящимися к началу поездки (память св. Дмитрия Солунского – 26 октября 1245 г.) и к ее завершению (окончание неудавшегося похода на ятвягов Василька и Конрада – начало марта 1246 г.).

Наш вывод о возвращении Даниила из Орды на Волынь еще до конца марта 1246 г. подтверждают данные Плано Карпини о том, что старший Романович выехал в Орду, только когда получил разрешение на проезд через степь от хана Батыя, привезенное специальным посланцем князя Василька. Об этом папский легат узнал во время встречи с последним в Кракове: Василько выслал вперед «своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила»⁴¹.

Острая необходимость поездки в Орду возникла у Даниила после того, как к нему и его брату Васильку прибыли послы одного из татарских правителей по имени Мауци с требованием отдать Галич (очевидно, под власть самого Мауци или кого-то из его ставленников). Это требование и явилось непосредственной причиной поездки, поскольку Даниил отказался отдавать свою «полуотчину» и поэтому должен был незамедлительно обратиться за защитой и покровительством к хану Батыю⁴².

Если исходить из последовательности летописного рассказа, послы Мауци прибыли к Романовичам вскоре после победы последних над Ростиславом Михайловичем и его союзниками в битве под Ярославом, произошедшей перед днем памяти свв. Фрола и Лавра («Яви же Богъ милость свою и дасть победоу Данилоу на каноунъ великоую мученикоу Фрола и Лавра») ⁴³, т. е. 17 августа 1245 г.⁴⁴

Выходит, что между 17 августа и 26 октября 1245 г. должны были произойти два события, имевшие прямое отношение к поездке Да-

нила в Орду, – прибытие послов от Мауци и посольство Василька к хану Батыю за разрешением на проезд через степь для Даниила. Если послы Мауци прибыли к Романовичам сразу после Ярославской битвы, то на поездку в Орду и возвращение на Волынь послов Василька остается не более двух месяцев.

Сомнения некоторых новейших авторов в том, что посольство к Батыю князя Василька Романовича могло успеть вернуться на Волынь с ответом хана до 26 октября 1245 г., основаны на неверных представлениях о скорости движения всадника в средние века⁴⁵. Неверным нам представляется и сделанный на столь шатком основании и к тому же не согласующийся с показаниями летописи вывод об отправке посольства Василька к Батыю еще до Ярославской битвы (в июне – июле 1245 г.)⁴⁶.

Для вычисления времени пути до Орды обычно используются сведения из описания путешествия Плано Карпини, которому, по его словам, для преодоления расстояния от ставки Куремсы до ставки Батыя (т. е. от низовьев Днепра до низовьев Волги) понадобилось 38 дней (с 26 февраля по 4 апреля). За это время папский легат при максимально быстрой в его понимании езде преодолел расстояние примерно в 1400 км, т. е. ехал со средней скоростью около 35–40 км в день.

Князь Даниил со своей дружиной, как мы видели, в многодневных переходах достигал более высокой среднесуточной скорости – около 70 км. Есть все основания полагать, что опытный гонец на княжеской службе, специально подготовленный для быстрого исполнения неотложных поручений, мог развивать еще более высокую скорость. Очевидно, такой гонец должен был использовать в пути сменных лошадей, что, как мы видели выше (данные об испытаниях верховых лошадей в русской армии XIX в.), существенно увеличивало дистанцию суточного пробега.

Расстояние от Холма до низовьев Волги, где располагалась ставка Батыя, составляет около 1800 км. На преодоление такого пути в оба конца гонцу, ехавшему даже со скоростью 70 км в день, понадобилось бы 52 дня, т. е. менее двух месяцев.

Таким образом, все собранные нами данные подтверждают возможность возвращения Даниила Романовича на Волынь из Орды до конца марта – начала апреля 1246 г. Следовательно, в распоряжении князя было не менее двух месяцев для восстановления союзнических отношений с венгерским королем Белой IV и начала переговоров о браке княжича Льва Даниловича с венгерской принцессой Констанцией.

Мирный договор и бракосочетание в Изволине

В течение апреля, мая и первой половины июня 1246 г., как мы думаем, было достаточно времени, чтобы успели произойти следующие описанные в летописи события: переговоры Даниила с высокопоставленным послом венгерского короля («вицьким»)⁴⁷, привезшим предложения мира и династического союза; получение от короля дополнительных гарантий, доставленных митрополитом Кириллом; поездка Даниила, Льва и Кирилла в город Изволин для личной встречи и переговоров с королем Белой.

Из летописного рассказа явствует, что все эти события происходили быстро, без перерывов, одно за другим, сразу по возвращении Даниила из Орды, поскольку венгерский король «бояша бо ся его, яко былъ бе в татарехъ» и спешил наладить добрые отношения с новым союзником Батыя⁴⁸.

Современные исследователи верно подмечают еще одну причину, заставлявшую венгерского короля торопиться с заключением союза с Даниилом. Такой причиной, несомненно, был обострившийся конфликт Белы IV с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным. Король стремился обезопасить свои восточные границы и найти союзника в предстоящей войне с герцогом. Для этого Бела готов был употребить свое внешнеполитическое влияние и способствовать утверждению Кирилла в качестве киевского митрополита – жена Белы Мария была дочерью основателя Никейской империи Феодора I Ласкаря, и именно в Никею для поставления на киевскую митрополию выехал Кирилл в сопровождении венгерского короля⁴⁹.

Ясно, что союз с Даниилом Беле был необходим до его выступления против герцога Фридриха. Отсюда – настойчивость и стремительность, проявленные королем в переговорах с галицко-волынским князем, готовность добиться союза с ним всеми возможными средствами. После битвы на Лейте спешить было уже некуда.

М. С. Грушевский датировал встречу Белы и Даниила в Изволине и бракосочетание Льва Даниловича и венгерской принцессы Констанции 1247 г. Нетрудно заметить, что эта датировка базируется на вполне некорректной интерпретации летописного сообщения о возвращении Кирилла из поездки в Никею (у Грушевского – в Царьград): эта поездка отнесена Грушевским на осень – зиму 1246 г., и поэтому последовавшая затем поездка Кирилла в Изволин и участие в бракосочетании Льва с Констанцией должны были произойти не ранее весны 1247 г.⁵⁰

Летописец, на наш взгляд, представляет иную картину. Кирилл выехал в Никею сразу после возвращения Даниила из Орды, по дороге

встретился с королем Белой, получил от него клятвенные заверения в готовности к миру с Даниилом, прервал поездку и вернулся к Даниилу, чтобы передать послание от Белы и затем вместе с Даниилом и Львом выехал в Изволин для заключения мира с Белой и брачного союза. Только после этого Кирилл продолжил свой путь в Никею.

Думать так позволяют условия, которые Бела поставил перед Кириллом во время их первой встречи. По словам летописца, король «оувещова, яко проведоутья оу грькы с великою честию, аще створить со мною миръ [Даниил]»⁵¹. Следовательно, сначала Кирилл должен был помочь склонить Даниила к миру и союзу с Белой, и только после этого венгерский король готов был сопровождать Кирилла на поставление в Никею.

Тем не менее, предложенная Грушевским дата союза Даниила с Белой, а также бракосочетания Льва с Констанцией в Изволине – 1247 г. – вошла в литературу как доказанный факт. Впрочем, слабость аргументации Грушевского все же заставляет новейших исследователей предлагать датировку названных событий в более широких хронологических пределах: май 1246-го – сентябрь 1247 г.⁵²

Тору Сенга и Золтан Коштольник датируют мирный договор и свадьбу в Изволине сентябрем 1246 г.⁵³ Основанием для этого послужила грамота Белы IV, в которой упоминается некий венгерский воин по имени Белед (Beled), освобожденный из русского плена⁵⁴. Документ не имеет полной даты, но по ряду признаков может быть датирован апрелем 1247 г. Исследователи сопоставляют сведения о Беледе с сообщением Галицко-Волынской летописи об освобождении Даниилом по случаю примирения с Белой венгерских бояр, захваченных в плен в битве под Ярославом («отдасть емоу ятыя бояры») ⁵⁵. Если Белед был в числе отпущенных на свободу в Изволине венгерских бояр, то его освобождение должно было произойти за несколько месяцев до издания грамоты.

Однако из упомянутой королевской грамоты совершенно неясно, когда и при каких обстоятельствах был отпущен Белед. Более того, формулировка документа свидетельствует о том, что из русского плена он был освобожден за выкуп (*de captivitate Ruthenorum redimendo*). Такой способ освобождения, на наш взгляд, предполагает какие-то иные обстоятельства и, скорее всего, не может быть связан со случаем, описанным в летописи. Следовательно, названный документ мало что дает для датировки мира и свадьбы в Изволине.

Марта Фонт и Павел Малиняк датируют заключение русско-венгерского мира и династического союза августом 1247 г.⁵⁶ Основанием для этого служат грамоты короля Белы IV, изданные им во время

пребывания в Изволине. К 1247 г. относятся три подобных документа, датированные 3 и 12 августа, а также 11 сентября⁵⁷.

Однако предложенный историками способ датировки вызывает серьезные сомнения. Грамоты, которые могут свидетельствовать о пребывании Белы в Изволине, издавались и ранее: известны, например, акты от 11 и 27 сентября 1246 г.⁵⁸ Но самое главное – нельзя с полной уверенностью сказать, в каком городе были изданы эти документы: в качестве места издания в одном из них значится *Zolum*, а в остальных – *Zolim*. отождествление этих топонимов с летописным Изволином остается дискуссионным вопросом. Подобные названия в середине XIII в. могли относиться к нескольким замкам и поселениям, находившимся под властью венгерского короля⁵⁹.

Итак, по нашему мнению, нет оснований переносить дату заключения мира между Белой IV и Даниилом Романовичем на время после возвращения Кирилла из поездки в Никею. Это событие, как и брак Льва Даниловича с Констанцией, должны были произойти ранее, сразу после возвращения Даниила из Орды. Возобновление русско-венгерского союза и скрепление его династическим браком стоят, на наш взгляд, в прямой связи с подготовкой венгерского короля к боевым действиям против его давнего врага, австрийского герцога, с которым у Даниила также были давние счеты⁶⁰.

В Галицко-Волынской летописи нет упоминания об участии Даниила в битве на Лейте. По словам летописца, после заключения мира с Белой Даниил «воротися в землю свою»⁶¹. Однако в данном вопросе составителю княжеского жизнеописания доверять нельзя. В окружении Даниила не принято было вспоминать о его причастности к гибели герцога Фридриха, близкого родственника Романовичей по их матери⁶².

Тем не менее, некоторый намек на эту причастность все-таки звучит в словах летописца, когда он спустя несколько лет описывает новый эпизод участия Даниила в борьбе за «австрийское наследство».

Как уже отмечалось, перед рассказом о поездке Даниила в Пож (Прессбург – немецкое название Братиславы) для участия в переговорах о судьбе австрийского престола с представителями германского императора (лето 1248 г.) летописец отмечает, что король Бела обращался к Даниилу, «прося его на помощь, бе бо име рать на бои с немци»⁶³.

О какой рати с немцами короля Белы может идти речь в этом известии?

На основании решения Лионского собора папа Иннокентий IV 17 июля 1245 г. издал специальную буллу, освобождавшую всех под-

данных императора Фридриха II от данной ему присяги верности⁶⁴. Подобное событие, не имевшее прецедентов, стало кульминацией в истории борьбы императора и папы за верховную власть⁶⁵. Бела IV одним из первых принял сторону понтифика и уже летом 1245 г. попросил освободить его от обета верности, данного императору⁶⁶.

Однако об открытом военном конфликте венгерского короля с императором речи тогда не шло. Еще меньше оснований предполагать участие Даниила в противостоянии с императором Фридрихом. Галицко-волинский князь, напротив, искал союза и поддержки со стороны императора и, судя по документам имперской канцелярии, в обмен на оказанные услуги в 1237 г. получил от Фридриха II денежное вознаграждение и королевский титул⁶⁷.

Как нам представляется, в описании встречи и переговоров в Пожге у летописца Даниила Галицкого звучит отголосок событий недавнего прошлого. Звать русского князя на «рать» и «бой» с «немцами» в описываемое время король Бела мог только, когда собирался в поход против австрийского герцога Фридриха II (кстати сказать, тезки императора), закончившийся битвой на Лейте.

Стоит обратить внимание на еще одну немаловажную, на наш взгляд, деталь. Переговоры о династическом союзе Даниила с Белой, а также бракосочетание Льва с Констанцией происходили в городе Изволин, который, очевидно, следует отождествлять с современным городом Зволен в Банскобыстрицком крае Словакии. Этот город расположен примерно на полпути между Холмом (столицей Даниила) и предполагаемым местом битвы на Лейте, в районе городка Эберфурт (Ebenfurth) в округе Винер-Нойштадт-Ланд (Нижняя Австрия)⁶⁸.

Заметим, что и на переговоры с представителями германского императора в Пожге Даниил Романович прибывает в сопровождении значительного вооруженного отряда («исполчи вся люде свое»)⁶⁹. Похоже, сочетать важные внешнеполитические и дипломатические мероприятия с военными походами вообще было в традиции Даниила. Вспомним, что королевскую корону, присланную папой Иннокентием IV, галицко-волинский князь принимает во время начатого им в декабре 1253 г. военного похода против ятвягов («Данило же прия от Бога венець в городе Дорогычине, идущу ему на воину»)⁷⁰.

Битва на Лейте в освещении Ульриха Лихтенштейна

Важным источником, содержащим дополнительные сведения о битве на Лейте, являются свидетельства одного из ее непосредственных участников – штирийского поэта-миннезингера Ульриха фон Лихтенштейна (ок. 1200–1275/1277), описавшего это сраже-

ние в своем знаменитом поэтическом романе «Служение дамам» («Frauendienst»)⁷¹.

Хотя рассказ Лихтенштейна во многих отношениях не полон и не ясен, тем не менее, только благодаря ему устанавливаются некоторые ключевые подробности битвы и, прежде всего, ее точная дата: сражение состоялось «на утро дня Святого Вита в пятницу», т. е. 15 июня 1246 г. (Str. 1661-1662). Ульрих говорит, что он мог бы описать битву более подробно и даже назвать имена погибших в ней рыцарей, но все это для его слушателей не будет новым, так как он ранее уже описывал эту злосчастную битву в своих стихах⁷².

Важнейшей частью свидетельств Лихтенштейна является детальное описание гибели его сюзерена герцога Фридриха Воинственного, а также данные им пояснения относительно истинных виновников случившегося. Из слов поэта вытекает, что едва ли не главными участниками сражения были русские (Reußen, Reussen, Reuzzen, Riuzen), неоднократно упоминаемые на протяжении всего его описания⁷³.

Русские первыми начали битву. Против них стояли люди Генриха фон Лихтенштейна (родственника нашего информатора). Перед началом битвы между двумя рядами выстроившихся друг против друга вражеских войск появился верхом на коне герцог Фридрих и обратился к своим воинам с речью, обещая им щедрые награды в случае победы. Но прежде чем он произнес последние слова, русские внезапно ударили ему в спину. Фридрих пал, но в ту же минуту началась такая всеобщая драка, что никто сразу не обратил внимания на это трагическое происшествие. Генриху Лихтенштейну вскоре удалось переломить ход битвы и обратить русских в бегство⁷⁴.

Приведенное описание битвы, собственно говоря, не является частью романа «Frauendienst». Это – завершающие строки произведения, своего рода послесловие, в котором автор возвращает читателя из мира поэтических образов к реальной действительности с тем, чтобы посетовать на упадок современных нравов. Данное обстоятельство повышает доверие к показаниям Лихтенштейна, придает им значение важного исторического свидетельства.

Итак, рассказ Ульриха фон Лихтенштейна со всей определенностью показывает, что русский король, кем бы он ни был, действовал в битве на Лейте не в одиночку, а во главе весьма значительного войска, состоявшего из русских. Именно это войско, по словам нашего информатора, было едва ли не главной ударной силой армии Белы IV.

Таким войском, безусловно, мог располагать тогда только полноправный русский князь, правитель сильной в военном отношении

русской земли. Восприятие его австрийскими и немецкими хронистами в качестве суверенного «короля Руси» заставляет думать, что одним из главных участников сражения был галицко-волынский князь Даниил Романович. Именно этот князь, как следует из упомянутых выше документов канцелярии императора Фридриха II, уже в 1240 г. пользовался титулом «короля Руси», полученным от самого императора. Никаких данных о том, что таким же титулом пользовался когда-либо Ростислав Михайлович, у нас нет.

Кроме того, едва ли Ростислав, один из вассалов венгерского короля, приходившийся также зятем своему сюзерену, вообще мог выступать в австрийских анналах под видом суверенного русского правителя. В Австрии Бела IV был слишком хорошо известен. Он упоминается во всех сообщениях о битве на Лейте, и, будь убийцей Фридриха Ростислав, последний, надо думать, не остался бы в этих же сообщениях безликим пришельцем из Руси, а почти наверняка фигурировал бы в качестве зятя короля Венгрии.

К тому же Ростислав Михайлович и сам по себе – весьма заметная фигура в истории Австрии. Его личность должна была представлять интерес для австрийских хронистов хотя бы потому, что этот князь стал одним из предков новой династии правителей страны, будучи дедом Агнессы Чешской, жены Рудольфа II Габсбурга⁷⁵.

Впрочем, сказанное не исключает возможности личного участия Ростислава в битве на Лейте. Более того, как вассал венгерского короля он, скорее всего, должен был в ней участвовать. Этот факт как будто даже находит подтверждение в источниках. 20 ноября 1255 г. король Бела IV совершил пожалование родственникам некоего Андреаса, отличившегося в битве против Фридриха Австрийского. Свое решение король принял на основании «свидетельства Радислава, князя Галиции, нашего любимого зятя» (*per Radizlaum, ducem Gallicie, karissimum generum nostrum*)⁷⁶. Отсюда следует, что Ростислав должен был знать о подвигах Андреаса в битве с Фридрихом, возможно, наблюдая их воочию.

Из приведенного документа с очевидностью следует, что при дворе венгерского короля за Ростиславом Михайловичем не признавали королевского титула, называя его «князем Галиции». Едва ли найдутся основания считать, что королевский титул могли признавать за Ростиславом австрийские и немецкие хронисты.

Другое дело Даниил Романович. После победы в битве под Ярославом и признания его прав на Волынь и Галичину ханом Батыем он, разумеется, не мог больше считать себя связанным вассальными отношениями с королем Белой. В возобновившейся борьбе за Австрию галицко-волынский князь действовал как равноправный

союзник венгерского короля, суверенный «король Руси». Союз этих двух королей, на помощь которым пришел еще и третий – «король куманов», нашел отражение в австрийских анналах.

Романовичи и граф Герман фон Хассбах

В источниках мы находим еще один след, указывающий на причастность галицко-волинских князей к гибели австрийского герцога Фридриха II Воинственного. Во всяком случае, есть твердые основания считать, что Романовичи непосредственно были связаны с людьми, на которых в Австрии возлагали вину за странную гибель последнего Бабенберга.

По сведениям продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, Фридрих пал от руки своего стольника, «графа из Хассбаха, по имени Генрих»⁷⁷. Генрих фон Хассбах (Heinrich von Hassbach) был хорошо известен в Австрии в описываемое время, его имя многократно упоминается в источниках середины XIII в. В последние годы правления Фридриха II Воинственного, а затем при Пржемысле II Оттокаре он занимал ряд важных государственных должностей: в 1240–1250-х гг. был ландрихтером, а также стольником (шенком) при дворе австрийского герцога⁷⁸.

Миннезингер Ульрих фон Лихтенштейн упоминает Генриха фон Хассбаха и его брата Ульриха в своем романе «Служение дамам», где восхищается их силой и мужеством и восхваляет как победителей сорока рыцарей на турнире в Вене, состоявшемся в 1240 г.⁷⁹ В Нижней Австрии (округ Нойкирхен) до нашего времени сохранились остатки замка Хассбах, построенного на рубеже XII–XIII вв.⁸⁰

Генрих фон Хассбах известен как один из наиболее решительных противников установления в Австрии и Штирии власти венгерского короля. С оружием в руках он не раз выступал против Белы IV. В отместку венгерские войска в 1250 г. захватили и сожгли замок Хассбах. В 1251 г. во время переговоров об избрании новым герцогом Пржемысла Оттокара Генрих фон Хассбах вместе с Генрихом фон Лихтенштейном возглавлял депутацию австрийской знати⁸¹.

Оба брата из Хассбаха упоминаются в различных документах 1250-х гг. Из имеющихся свидетельств можно сделать вывод, что Генрих Хассбах до конца своих дней оставался одним из ближайших сподвижников Оттокара. Он погиб, по-видимому, 24 мая 1257 г. в битве при Мюльдорфе⁸². Впрочем, есть и другие сведения о судьбе Генриха, позволяющие отнести дату его смерти к концу 1270-х гг.⁸³ В бурной биографии Генриха фон Хассбаха есть один весьма примечательный для нас эпизод. Будучи безусловным противником Белы IV, он какое-то время, по-видимому, все же колебал-

ся в том, кому из двух других претендентов на австрийский престол отдать предпочтение – Пржемыслу II или сыну Даниила Галицкого Роману. Можно констатировать, что в наиболее ответственный момент граф Генрих склонялся в пользу последнего.

Так, в 1253 г. во время пребывания русского князя в Австрии (в замке Гимберг под Веной) мы видим графа Генриха вместе с его братом Ульрихом в числе тех австрийских рыцарей, на чью помощь в борьбе за герцогский престол делали ставку Роман Данилович и его супруга Гертруда Бабенберг⁸⁴. Это можно заключить из документов самой Гертруды, датированных 1251 и 1253 гг., где Генрих и Ульрих Хассбахи упоминаются в числе других ее сторонников⁸⁵.

Возможно, именно братья Хассбахи убедили Оттокара осенью 1253 г. сделать осажденному в Гимберге Роману предложение о разделе с ним австрийского наследства, при котором русскому князю досталась бы равная половина. Рассказ об этом предложении, нерасчетливо отклоненном Романом, находим в Галицко-Волынской летописи⁸⁶.

Итак, Даниил Галицкий и его сын Роман имели в Австрии собственных сторонников, не зависевших от воли венгерского короля, а, наоборот, готовых идти ему наперекор. Главный из них – граф Генрих фон Хассбах – считался одним из убийц Фридриха Бабенберга. Примечательно, что версию австрийских хронистов об убийстве Фридриха его приближенными принимает, как уже отмечалось, и Галицко-Волынская летопись (герцог «оубьень бысть от своих боярь»). Тем самым придворный панегирист как будто старается отгородить своего князя от нелицеприятных обвинений.

Вмешательство галицко-волынских князей в австрийские дела и участие Даниила Романовича в битве на Лейте было вызвано не только желанием помочь венгерскому королю свести счеты с герцогом Фридрихом II. У Даниила были и собственные виды на Австрию, а также претензии к последнему Бабенбергу. Понять их можно, только опираясь на данные о близком родстве Фридриха и Даниила, чьи матери приходились друг другу двоюродными сестрами⁸⁷.

Поссорившись с своей матерью Феодорой Ангелиной, герцог Фридрих лишил ее имущества и даже угрожал расправой. Герцогиня бежала в Чехию и нашла приют при дворе короля Вацлава I. Из Чехии Феодора отправилась к императору Фридриху II с жалобами на своего сына и просьбой помочь ей вернуться в Австрию⁸⁸.

На Волыни, по-видимому, не остались равнодушными к тому, что Фридрих до конца жизни так и не примирился со своей матерью, удалившейся в монастырь. Примечательно, что сын и мать, хотя и закончили свои дни почти в одно и то же время (июнь 1246 г.), похоронены были в разных местах⁸⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246. Wien, 1971 (Militärhistorische Schriftenreihe, H. 19).
2. *Annales Millicensium continuation Lambacensis* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae*, 1851. T. IX. P. 559.
3. *Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1 – 1286* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* P. 789.
4. *Chronicon Magni Presbiteri continuatio* / Ed. W. Wattenbach // *Ibid.* Hannoverae, 1861. T. XVII. P. 639.
5. «Cum quodem rege Ruscie singulariter in prelio dimicans, ipsum interfecit et ab eodem mortale vulnus accepit, supervivendo duobus diebus». *Annales sancti Pantaleonis Coloniensis* / Ed. H. Cardanis // *Ibid.* Hannoverae, 1872. T. XXII. P. 541.
6. *Ficker A.* Herzog Friedrich II., der letzte Babenberger. Innsbruck, 1884. S. 128; *Бертенъ Й.* Международное положение Венгрии после татарского нашествия // *Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей* / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С. 318.
7. *Wertner M.* Boris und Rostislaw. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889. S. 45; *Novotný V.* České dějiny. Díl. I. Čs. III: Čechy královské za Přemysla I. a Václava I., 1197–1253. Praga, 1928. S. 774-775; *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246. S. 10; *Sommer G.* Österreich im Hochmittelalter (907 bis 1246). Wien, 1991. S. 329; *Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte: Studien und studentische Forschungsbeiträge* / Hrsg. A. Brunhart. Zürich, 1999. Bd. 2. S. 25; *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246 – 1278. Racibórz, 2008. S. 17-19; *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242 – 1250... S. 50-52.
8. *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 18.
9. Полное собрание русских летописей (*далее – ПСРЛ*). СПб., 2003. Т. XL. С. 121.
10. Там же. М., 1998. Т. II. Стб. 813-814.
11. Там же. Стб. 820.
12. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003. С. 397.
13. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Львів, 1901. Т. XLI. С. 67.
14. См.: *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych) // *Україно-угорські етюди* / Відп. ред. Л. Войтович. Львів, 2010. Вип. 1. С. 177; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 238.
15. См.: *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII вв. СПб., 2011. С. 668–671.

16. *Войтович Л.* Галицько-волинські зв'язки з Німецькими землями: попередні зауваження // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2012. Вип. 6. С. 78-79.

17. *Войтович Л.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012 (Славетні постаті середньовіччя. Т. I). С. 58-59.

18. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 33.

19. *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов / Пер. с лат. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика / Ред., вступ. и примеч. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 81-82.

20. Там же. С. 70.

21. Там же.

22. Там же. С. 67.

23. Там же. С. 67-69, 70.

24. Там же. С. 70.

25. См.: *Балакишин О.А., Попов Б.Н., Фомин А.Б.* Выращивание и испытание лошадей // *Конезаводство и конный спорт* / Под ред. Ю.Н. Барминцева. М., 1972. С. 190.

26. ПСРЛ. М., 2000. Т. XI. С. 23.

27. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Т. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971 (Свод археологических источников. Вып. Е1-36). С. 58.

28. ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

29. Там же. Стб. 796.

30. Там же. Стб. 799.

31. *Рыбаков Б.А.* Военное искусство // *Очерки русской культуры XIII – XV вв. Ч. I: Материальная культура* / Под ред. А. В. Арциховского и др. М., 1969. С. 354.

32. См.: *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII – XV вв. Л., 1976. С. 8.

33. Данные с сайта: <http://www.avtodispatcher.ru>.

34. ПСРЛ. Т. II. Стб. 806.

35. М.С. Грушевский полагал, что 26 октября Даниил прибыл уже в Киев и, следовательно, «поїхав він з дому мабуть в середині жовтня» (*Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 33). Однако летописец совершенно определенно указывает, что «на празник святого Дмитрея» Даниил только начал свой путь – «изииде», т. е. выехал из дома.

36. ПСРЛ. Т. II. Стб. 808.

37. Там же. Стб. 806.

38. Там же.

39. Там же. Стб. 808.

40. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 33.

41. *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов. С. 66.

42. ПСРЛ. Т. II. Стб. 805-806.

43. Там же. Стб. 805.

44. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 32.
45. См.: *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217 – 1264, Lublin, 2005. S. 109; *Nagimyr W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 227-228.
46. *Nagimyr W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej... S. 227-230.
47. Выражение «вицький», возможно, образовано от латинского *vice* и означает заместителя венгерского короля. См.: *Maliniak P.* K sobášnej politike Bela IV. Dynastická svadba vo Zvolene a jej reflexie v historiografii // *Historický časopis*. 2008. Vol. 56. Č. 1. S. 129.
48. ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.
49. См.: *Maliniak P.* K sobášnej politike Bela IV. S. 130-131. См. также: *Kosztolnyik Z. J.* Hungary in the Thirteenth Century. New York, 1996. P. 203.
50. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 33.
51. ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.
52. *Maliniak P.* K sobášnej politike Bela IV. S. 132.
53. *Senga T.* IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatár levele» // *Századok*. Budapest, 1987. Evf. 121. Sz. 4. O. 594; *Kosztolnyik Z. J.* Hungary in the Thirteenth Century. P. 204.
54. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* / Ed. G. Fejer. Buda, 1832. T. VII. Vol. 1. P. 293-294. Nr. 240.
55. ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.
56. *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. O. 249-250, 263; *Maliniak P.* K sobášnej politike Bela IV. S. 132-133.
57. *Codex Diplomaticus et Epistolaris Slovaciae* / Ed. R. Marsina. Bratislava, 1987. T. II. P. 180. Nr. 263; P. 188; Nr. 267; P. 188-189. Nr. 269.
58. *Ibid.* P. 156. Nr. 224; P. 157; Nr. 225.
59. См.: *Maliniak P.* K sobášnej politike Bela IV. S. 132, pr. 32.
60. Об этом см.: *Майоров А. В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // *Вопросы истории*. 2011. № 7. С. 32-52.
61. ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.
62. Князь Даниил Романович и герцог Фридрих II Бабенберг приходились друг другу троюродными братьями. См.: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа... С. 650-653.
63. ПСРЛ. Т. II. Стб. 813-814.
64. *Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum* / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1897. T. II. P. 508-512.
65. Во время борьбы за инвеституру Григорий VII низложил Генриха IV, когда он еще только готовился стать императором. Подр. см.: *Folz A.* Kaiser Friedrich II und Papst Innocenz IV: Ihr Kampf in den Jahren 1244 und 1245. Straßburg, 1905. См. также: *Kempf F.* Die Absetzung Friedrichs II im Lichte der

Kanonistik // Probleme um Friedrich II. / Hrsg. J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. 16).

66. Codex Diplomaticus Hungariae... Budae, 1829. T. IV. Pars 1. P. 374-375. См. также: *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. Budapest, 1893. T. II. O. 266.

67. См.: *Майоров А.В.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua*. 2010. № 2. С. 140-148.

68. О локализации битвы на Лейте см.: *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246.

69. ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

70. Там же. Стб. 827. См. также: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и крестовый поход в Пруссию // *Русин. Международный исторический журнал*. 2011. № 4 (26). С. 26-43.

71. Об этом произведении см.: *Peters U.* Frauendienst. Untersuchungen zu Ulrich von Lichtenstein und zum Wirklichkeitsgehalt der Minnedichtung. Göttingen, 1971.

72. Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst / Hrsg. von R. Bechstein. Leipzig, 1888. Bd. VII. S. 255-262. Strophe 1659–1688. Перевод на современный немецкий язык см.: *Ulrich von Liechtenstein*. Frauendienst. Aus dem Mittelhochdeutschen ins Neuhochdeutsche übersetzt / Hrsg. F. V. Spechtler. Klagenfurt, 2000.

73. См., напр.: Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst. Bd. VII. S. 255-256.

74. Ibid. S. 255 f.

75. См.: *Hoensch J. K.* Přemysl Otakar II. von Böhmen. Der goldene König. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 41, 43, 174.

76. Codex diplomaticus Hungariae... Budae, 1829. T. IV. Vol. 2. P. 314.

77. Chronicon Magni Presbiteri continuatio. P. 639.

78. *Weltin M.* Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich // *Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich*. 1978 – 1979. Bd. 44/45. S. 165. – См. также: *Wissgrill F. K.* Schauplatz des landsässigen Nieder-Österreichischen Adels vom Herren- und Ritterstande von dem XI. Jahrhundert an, bis auf jetzige Zeiten. Wien, 1800. Bd. IV. S. 212-215.

79. *Krenn G.* Historische Figuren und/oder Helden der Dichtung? Untersuchungen zu den Personen im Roman «Frauendienst» // *Ich – Ulrich von Liechtenstein. Literatur und Politik im Mittelalter. Akten der Akademie Friesach «Stadt und Kultur im Mittelalter»*. Friesach (Kärnten), 2-6. September 1996 / Hrsg. F. V. Spechtler und B. Maier. Klagenfurt, 1999. S. 128.

80. *Halmer F.* Burgen und Schlösser im Raume Bucklige Welt, Semmering, Rax. Wien, 1969. S. 58 f.

81. *Reichert F.* Landesherrschaft, Adel und Vogtei. Zur Vorgeschichte des spätmittelalterlichen Ständestaates im Herzogtum Österreich. Köln; Wien, 1985 (Beihefte zum Archiv für Kulturgeschichte, H. 23). S. 75, 77; *Hoensch J. K.* Přemysl Otakar II. von Böhmen. S. 34, 38 f., 41, 53,

82. *Weltin M.* Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich. S. 166 (Anm. 23), 193.

83. Ibid. S. 193 (Anm. 169).

84. Подробнее об этом см.: *Майоров А.В.* Поход русских войск в Моравию и борьба за «австрийское наследство» в 1252–1253 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3 (623). С. 49–54.

85. Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Bd. II: Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279. Wien, 1955. Nr. 453, 456.

86. ПСРЛ. Т. II. Стб. 836–837.

87. См.: *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа... С. 650–653.

88. Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266 / Ed. W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. IX. P. 638. См. также: *Lechner K.* Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich. 976 – 1246. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 281; *Scheibelreiter G.* Die Babenberger. Reichsfürsten und Landesherren. Wien; Köln; Weimar, 2010. S. 321.

89. См.: Continuatio Garstensis a. 1182–1257 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. IX. P. 598; Continuatio Praedicatorum Vindobonensium / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 727; Auctarium Sancrucense / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 732.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

В наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Международный исторический журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 903 53 44 218